

*Доктор
Юнна*

*Любовь - работа
без выходных*

Жизненные истории

Доктор Нонна
Любовь – работа без
выходных (сборник)
Серия «Житейские истории»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671425

*Доктор Нона Любовь – работа без выходных: повести: Эксмо; Москва;
2011*

ISBN 978-5-699-53434-0

Аннотация

Она замужем. Имеет сына. У него тоже есть семья. Но любовь закружила их в вихре сальсы, расцветив жизнь яркими серпантинами, припудрив мостовые конфетти, наполнив солнцем унылую Северную столицу. И даже тогда, когда у Гали родился чересчур смуглый для их семьи мальчик, женщина была преисполнена радости. Не испугала ее ни реакция мужа, ни удивление родителей. Но вот знание, что любимого больше никогда не увидит, залегло льдинкой в ее сердце.

Содержание

Любовь – работа без выходных	4
Просто однокурсник	6
Дождь в августе	8
«Квартирант»	10
Черный коралл	17
Люди и манекены	30
Полет валькирий	39
Перелом	43
Чувство долга	53
Вниз по лестнице	60
Гольфстрим	63
Брату моему	69
Голубое и белое	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Доктор Нонна

Любовь – работа

без выходных

Огромное спасибо моему мужу, первому читателю и издателю Мише, за любовь и долготерпение

Любовь – работа без выходных

– Буэнос диас! Буэнос тардес! Буэнос ночес!

Галя вторые сутки сидела у белой кафельной стены: вот тут уголок откололся, а здесь плитка чуть-чуть сдвинута. Край бежевой больничной кушетки в одном месте немного потерялся, и из-под пластикового покрытия вылезали нитки основы. Ниток было пять: три малюсенькие, с пушистыми кончиками, одна побольше и еще одна совсем длинная, сантиметра полтора, – она слегка шевелилась, как будто сообщающая: вентилятор работает. Правда, его дуновения были такими слабыми, что ниточка шевелилась еле-еле. Воздух казался неподвижным и очень густым. Но люди в белых и зеленых халатах – желтовато-смуглые, коричневые, а некоторые совсем черные – шагали очень быстро, почти не обращая внимания на замершую в углу фигурку.

Белозубая медсестра с добродушным темно-коричневым лицом – она говорила по-русски, впрочем, здесь многие говорили по-русски – принесла что-то вроде чая. Но Галя так и не смогла сделать ни одного глотка. Ей хотелось сжаться, стать маленькой и незаметной, слиться с этой белой стеной и потертой кушеткой.

И совершенно невозможно было посмотреть вправо, на обычную, такую же, как и все здесь, дверь. Дверь, за которой умирала ее, Галина, жизнь.

Просто однокурсник

– Слушай, Сашка, уже поздно. Как ты домой-то доберешься? – смущение окрасило Галины щеки румянцем, который ярко выделялся на белоснежной коже девушки, подчеркивая блеск больших голубых глаз.

Полненькая и невысокая Галя не выглядела красавицей, но обаяние молодости и всегдашняя улыбка красиво очерченных губ с лихвой перекрывали небольшие недостатки внешности, а легкий отходчивый характер делал девушку всеобщей любимицей. Она никогда не обижалась, не выясняла отношений, не держала ни на кого зла. Случилась неприятность? Вдохнула, выдохнула – и дальше по жизни с той же светлой улыбкой.

Высокий темноволосый Саша – первый красавец курса – Гале, пожалуй, нравился. Но для нее, воспитанной в строгих еврейских традициях, тайной были не только отношения между мужчиной и женщиной – она не умела заглянуть даже в собственное сердце. А на вопросы матери только смеялась: «Глупости! Он просто однокурсник!»

Ну да, просто однокурсник. К тому же лучше всех учится, а ей никак не дается этот упрямый сопромат, а на носу летняя сессия... Ей даже не приходило в голову, что «просто однокурсник» вряд ли станет так старательно ездить из неблизкого Пушкина на Васильевский остров. Да-да, конечно, про-

сто чтобы по-дружески помочь. Галя, правда, чувствовала легкую неловкость оттого, что родители у бабушки Доры на даче и они с Сашей одни в квартире, – но не более того.

И сейчас, заметив, что уже вечер – ах, эти обманчивые ленинградские сумерки на пороге лета! – она забеспокоилась лишь о том, что до дому Саше далековато. Только в животе почему-то похолодело. Как два года назад, когда родители, обрадованные ее успешным поступлением в Ленинградский политехнический, повезли Галю на Черное море. Она впервые тогда летела на самолете. Когда тот «падал» в воздушную яму, внутри становилось холодно, а сердце, кажется, билось прямо в горле. Вот как сейчас.

– А разве я не дома? – за кажущейся наглостью Саша скрывал свою неопытность. Пальцы, коснувшиеся пуговиц Галиной кофточки, дрожали одновременно и от желания, и от робости.

– Ты с ума сошел! – Голос Гали предательски дрогнул, превратив возмущенное восклицание в еле слышный шепот.

– Совсем сошел, – Саша приник губами к нежной ложбинке над ключицей, и голос его прозвучал глухо.

Губы скользнули ниже, ниже... Гале казалось, что у нее неожиданно подскочила температура – было трудно дышать, кожа горела, а тело вдруг стало чужим, пластилиновым, восковым. И воск этот от жара делался все мягче, все податливее...

Дождь в августе

Оглушенная, погруженная в переживания, Галя едва заметила, как пролетели экзамены. Отличник Саша закрыл сессию «автоматом», и Галя была почти рада, что в институте его не видно. Хотя злополучный сопромат она, конечно, завалила.

Чтобы готовиться к пересдаче, она уехала к бабушке с дедушкой на дачу. Родители наезжали только по выходным, а Дора Аркадьевна и Зигмунд Исакович жалели внучку – сопромат все-таки! – и старались ее не беспокоить.

Но занятия шли еле-еле. Август выдался дождливым, Галя целыми днями валялась на продавленном, потрескавшемся кожаном диване и думала, думала...

«Где сейчас Саша? Как мы встретимся осенью? Ведь он даже не сказал, что любит...»

Возле дивана стоял такой же древний буфет. На его высокой резной верхушке Галя прятала от бабушки сигареты. Курить, чтобы не заметили, она бегала под дровяной навес.

Удобно устроившись на низкой поленнице, девушка с наслаждением затянулась... и поплыла: перед глазами замелькали белые точки, руки, вдруг ставшие ватными, не удержали сигарету... и Галю вывернуло прямо на дрова.

– Что это? Давление меняется? Отравилась?

Отталкивая плавающие в бочке первые желтые листья, Га-

ля умылась, прополоскала рот, но кислый привкус держался стойко. Казалось, что и диванная кожа пахнет рвотой. В бок впилась забытая в кармане сигаретная пачка.

«А ведь Наташка весной то же самое рассказывала! Мол, если залетишь, сразу курить бросишь, от одного запаха выворачивать начнет... О Господи! Что же теперь будет?!»

Когда в последних числах августа отец забирал ее с дачи, Галя испугалась еще больше.

– Сумка тяжелая, не поднимай сама! – прикрикнула на нее бабушка.

Неужели догадалась?! Недаром последние недели не ворчит «ну-ка ешь все подряд», а выспрашивает, чего бы хотелось повкуснее.

По дороге Галя раза три просила отца остановить машину – ее мутило. Стоило отойти от бензиновой дорожной вони, как становилось легче. «Ох, – думала Галя, – хорошо еще, что мама в городе осталась, не то мигом бы все поняла».

«Квартирант»

Первый учебный день выдался теплым и хрустально-прозрачным. Контраст совсем еще зеленых газонов и золотой листвы над ними был сказочно красив. Но Гале было не до красот. Главное – Саша! Вон он, с девушками балагурит, наверняка договариваются, где первый учебный день отметить. Вот, заметил ее...

Галя повернулась и пошла к дальней скамейке. Он должен, должен, должен ее догнать!

– Соскучилась?

Сашин голос показался Гале чужим: ни нежности, ни теплоты она не услышала. А ведь так надеялась на эту встречу! Уткнувшись в жесткую спинку скамьи, девушка безудержно зарыдала.

– Господи, что с тобой? – Теперь голос звучал по-настоящему обеспокоенно, в нем не осталось ни капли этой ужасной «хозяйской» сытости. Саша обнял девушку, нежно прилепил к себе:

– Галчонок, хороший мой, ну не плачь, ну пожалуйста! Что случилось?

– Я... я... я беременна. Уже больше трех месяцев, – едва выговорила Галя и зарыдала еще отчаяннее.

«Черт, вот не было печали!» – подумал Саша. Но вздохнул, еще крепче прижал к себе девушку и почти твердым го-

лосом сказал:

– Давай-ка успокаиваться. А то будешь перед родителями с красным носом.

– П-п-почему п-перед родителями? – опешила Галя.

– Ну им же надо сообщить? Свадьба там, все такое, как без них?

– С-с-свадьба? Ты серьезно?

– А что, у тебя есть другие варианты? Ты собираешься устроить романтическое бегство и тайный брак под покровом ночи? – Саша, собрав все свое мужество, сумел даже пошутить. «Ну что ж поделаешь, – подумалось ему, – раз уж так вышло. Свадьба так свадьба».

Окрыленная счастливой развязкой, Галя ухитрилась все-таки спихнуть злополучный сопромат. А вот из шумной свадебной пестроты почти ничего не запомнила: белое платье смущало, казалось, что все разглядывают ее живот. Хотя и живота никакого еще не было: дед кому-то позвонил, и бракосочетание устроилось в мгновение ока. Но Гале все равно казалось, что догадываются и смотрят. И все время хотелось в туалет... Бабушка Дора, глядевшая на внучку печально и ласково, погладила ее по голове и сказала:

– Запомни, внученька: любовь – это работа. Причем без выходных.

Как в воду глядела бабушка Дора. Саша, похоже, решил, что, женившись, полностью исполнил свой долг – чего вам еще надо? Дома – поселились они у Галиных родителей –

молодой муж почти не появлялся.

– Опять «квартирант» не ночевал, – удовлетворенно замечала мама, не скрывавшая своего презрения к зятю.

Галя терпеливо придумывала отговорки: то конспекты нужны, то у однокурсника день рождения, но Зинаида Семеновна только поджимала губы и усмехалась.

Зимнюю сессию Галя все-таки сдала: экзаменаторы косились на ее огромный живот и зеленоватую бледность и ставили тройки из жалости. Только вредный «научный коммунист» попытался спрашивать Галю по-настоящему, но его одернули собственные коллеги: оставь ее в покое, а то еще родит прямо тут.

В общем-то они были правы: едва Галя закрыла сессию и оформила академический отпуск, как уже пришлось отправляться в роддом.

Дима родился 13 февраля 1978 года.

Красненький сморщенный «старичок» хватал грудь с такой жадностью, что Галя едва не кричала от боли. Сразу треснули соски, и Зинаида Семеновна передала ей «верное средство» – яблочное пюре и облепиховое масло. Галя, сжав зубы, терпела, пока малыш наестся, намазывала трещинки и подходила к окну, как будто высматривала – не придет ли Саша. Саша не приходил, но ей было все равно. Галю пугало, что она никак не может полюбить сына. «Что же я за монстр? – думала она. – Ведь он моя кровиночка, он такой маленький, такой беспомощный...» Но сердце молчало, и

Галя чувствовала себя бездушным чудовищем. Какой уж тут муж – подумаешь, не приходит!

Из роддома ее забирали родители. Медсестра передала Роману Зигмундовичу, отцу Гали, аккуратный сверток, проворчала дежурные поздравления и скрылась. Галя вдруг ощутила, как больно сжалось сердце.

– А где бабушка? – Про Сашу она даже и не вспомнила. – Что с бабушкой?!

– Дома, дома бабушка, – засуетилась мама. – Поедем, а то продует тебя.

Промозглый ленинградский февраль пробирал до самых костей. Чашка горячего чая была почти невероятным чудом.

Войдя в родительскую квартиру, Галя испугалась:

– Бабушка! – казалось, Дора Аркадьевна стала вдвое меньше, как будто съежилась.

– Ну вот, я и с правнуком, – бабушка всхлипнула и быстро скрылась в ванной.

– Мама, что случилось, что с бабушкой?

Зинаида Семеновна увела Галию на кухню, подвинула ей дымящуюся вкусным чайным духом чашку.

– Мама!

– Дедушку вчера похоронили. Только и успел порадоваться, что правнук. А на следующее утро просто не проснулся, и все. Мы хотели, чтобы она с нами хоть немного пожила – представь, каково там сейчас, в пустой квартире, – но она ни в какую, сама, говорит, справлюсь. Это только сегодня, что-

бы тебя встретить, приехала.

Саша явился лишь через три дня. Взглянул на сына, ода-рил Галю дежурным поцелуем – и все покатилося по пре-жней колее.

Галя даже не пыталась наладить отношения – до того ли. Родители были заняты своими делами, бабушка приезжала редко, повторяя «мне нужно привыкнуть к одинокой жи-зни». Бесконечные пеленки, кормления, бессонные ночи от-нимали все силы. Постоянно отключали горячую воду, так что стирка превращалась в подвиг. Да еще прогулки, хотя бы дважды в день. Ленинградская зима неласкова, но «све-жий воздух ребенку необходим», и точка. Толкая коляску по ледяным буграм, Галя почти засыпала на каждом шаге, по-минутно вздрагивая то от промозглого ветра, то от приступа сжимающего живот страха – а вдруг малыш простудится, а вдруг сосулька на нас упадет, а вдруг машина из подворот-ни. Страх за крошечное, полностью зависящее от нее суще-ство сменялся раздражением – да где же эти радости мате-ринства! – потом оупением. Когда Саша вспоминал, что он все-таки муж, Галя терпела его прикосновения через силу, ужасаясь собственной бесчувственности. Чужой, чужой, чу-жой. Все – чужие.

Даже отражение в зеркале было чужим. Крутясь как бел-ка в колесе, уставая до беспамятства, Галя тем не менее по-правлялась «как на дрожжах» и к апрелю едва влезала даже в «беременный» сарафан. Весна тоже ее не разбудила, тем

более что выдалась она слякотная и холодная – не понять, май на дворе или ноябрь.

Приехав навестить правнука, Дора Аркадьевна в один миг поняла – внучку пора спасать.

– Вот что, – решительно сказала она, стараясь не замечать пустого взгляда Гали. – Заберу-ка я вас к себе. Я и с пеленками помогу, и погуляю с Димочкой. А то ведь крутишься одна целый день, скоро на стенку полезешь.

Галя безразлично покачала головой:

– На стенку не полезу – сил нет. Все черно-белое и холодное. Как будто меня зимой на кладбище забыли.

– И я тебя забыла, да? – вздохнула Дора Аркадьевна. – Ну ничего, все наладится. Димочка у тебя вон какой хорошенький: щечки розовые, глазки умные, волосики вьются – ангелочек! Пойдем чайку попьем, я твой любимый вишневый тортик привезла.

Галя вдруг всхлипнула.

– Ну-ну, поплачь немножко, все и пройдет, – Дора Аркадьевна заварила чай. – Попей вот, сразу очнешься.

Терпкий чайный вкус мешался со слезами, и Галя чувствовала, что с каждым глотком все внутри оживает. Как по волшебству. Что это она, в самом деле, похоронить себя вздумала?

Переселив к себе внучку с правнуком, Дора Аркадьевна серьезно поговорила с Сашей, и тот тоже будто опомнился: после занятий, нигде не задерживаясь, сразу ехал домой, гу-

лял с сыном и был очень мягок с Галей. Решив по настоянию бабушки осенью вернуться в институт, она все лето посвятила тому, чтобы добиться прежней привлекательности. Дора Аркадьевна ласково, но строго следила за ее диетой:

– Не в булках счастье, дитя мое! Ты молодая мама, ты должна быть красивой. Муж у тебя вон какой!

– Да не нужен он мне вовсе! Только для соседей, чтоб не шушукались за спиной!

– Э-э, внученька, не зарекайся! Ты ведь и не стараешься Сашу заметить, точно и нет его.

– Его не заметишь, как же! Вон какой огромный, – пошутила Галя.

– Вот и замечай его почаще. Женщина для мужчины – как для машины свеча зажигания. Без нее с места не сдвинется. Искорка нужна. Я дедушку твоего всегда хвалила. Мусор вынес – ай, какой помощник! Картошки принес – вообще герой. Молока купил – какой умница, никогда ничего не забываешь. Хотя, конечно, что-нибудь он всегда забывал, да все они такие. А похвалишь – расцветет. Вот и старайся.

И Галя старалась. Втянулась в учебу – помогло то, что осенний семестр она проходила повторно и сама удивилась, что оказывается, кое-что помнит. В общем, жизнь наконец покатилась ровно, без провалов: обычная студенческая семья с ребенком.

Черный коралл

– Конечная станция, ла-пуш-ка!

Галя с трудом открыла глаза. Необыкновенно смуглый мужчина в военно-морской форме тряс ее за плечо и бело-зубо улыбался:

– Ты так сладко спала. Как дети спят, – в его правильной речи чувствовался какой-то непривычный акцент. Не эстонский или финский – эти в Ленинграде не редкость, – а что-то другое, необыкновенное. Гале вдруг показалось, что где-то далеко шумит морской прибой. И... да, еще попугаи на прибрежных пальмах кричат. Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

У Димки лезли зубки, и после бессонной ночи где-то к середине дня позванивало в голове. А сейчас, к вечеру, уже и чудится невесть что!

Но на эскалаторе смуглый военный опять оказался рядом:
– Хосе.

Он улыбнулся, и далекий прибой загредел почти оглушительно...

– Меня назвали в честь Хосе Марти, это наш кубинский поэт и лидер освободительного движения.

– Зачем вы мне это говорите?

– Ты ми-ла-я. Как Мадонна, – он говорил медленно, почти по слогам, точно пробуя каждое слово на вкус.

Галя смутилась. Мадонна? Вынырнув из депрессии, она почувствовала наконец свое материнство: душа переполнялась любовью и нежностью к маленькому Димке, к первому «мама» и доверчиво протянутым ручонкам. И зеркало тут же отразило внутренние изменения: вместо толстой куклы с пустым «пластмассовым» взглядом там появилась очаровательная юная женщина. Глаза стали глубокими и засияли теплым, почти загадочным светом.

– Темно. Тебе не надо идти одной. Я провожу.

Внимание смуглого красавца было неожиданно приятно. Галя иногда просила Сашу ее встретить – идти от метро в темноте было и впрямь страшновато. Но бабушка в последнее время стала сильно сдавать, и оставлять ее одну с ребенком не стоило.

– Как тебя зовут?

– Галя.

– Га-ля, – нежно повторил он.

Она неожиданно испугалась самой себя и поспешила расставить точки над «i»:

– Я замужем. У меня есть сын.

– У меня тоже, – опять улыбнулся Хосе, и Гале вдруг захотелось идти вот так подольше, она даже свернула на кружной путь. – Моя семья на Кубе. У нас всегда солнце.

– Вот я и дома. Спасибо, Хосе, что проводил, – Галя приоткрыла дверь парадного.

– Как я тебя увижу? – он придержал ее руку. – Завтра?

Галя заколебалась – Господи, что я делаю? Но... В конце концов, а что тут такого?

– Хорошо, – тихо согласилась она. – Я в политехе учусь, завтра заканчиваю в три...

– Я буду ждать! Ла-пуш-ка...

Дома у нее все валилось из рук. В ушах звучало нежное «ла-пуш-ка» и шумел океанский прибой. Когда Саша попытался ее обнять, она легко выскользнула и принялась разгребать завал грязной посуды в раковине.

Саша, нагулявшись с многочисленными подружками, в последнее время наконец-то оценил собственную жену. Что подружки! Темненькая, светленькая, рыженькая, худенькая, пухленькая... в общем-то все одно и то же. А Галя – родная и единственная. Саша искренне любовался тем, как она склоняется над конспектами, как играет с сыном: пушистые кудряшки над нежной шеей, женственная гибкость, сияние огромных глаз.

Галя же как будто не замечала перемен. Должно быть, обида за прежнее равнодушие, «квартирантство» и бесконечные измены засели слишком глубоко. Какая любовь без доверия? Да и то сказать – была ли она, любовь-то? Просто обстоятельства так сложились.

Ей снились ослепительно горячее солнце и кипящие – как бурлит вода на сильном огне – грохочущие волны. За линией прибоя вода становилась голубой, зеленой, стеклянно-прозрачной. В глубине фантастическими букетами распуска-

лись гроздь разноцветных кораллов. Она пыталась нырнуть, но вода становилась настоящим стеклом, и его осколки больно впивались в тело. Промаявшись всю ночь, к рассвету Галя решила: будь что будет.

Она увидела Хосе издали: прямой, гордый, такой необыкновенный посреди мрачноватой ленинградской осени. Ветер толкал в спину, и она почти летела навстречу...

– Ла-пуш-ка! – он прижал Галю к себе. – Пойдем...

В гремящем переполненном трамвае Хосе нежно подтолкнул ее в угол и загородил собой от всего мира. Галя чувствовала, как его губы касаются ее волос, вдыхала странный, невероятно притягательный запах его форменного кителя... Или это его собственный запах?..

Она даже не спрашивала, куда ее ведут. Только увидев две железные койки под одинаковыми синими одеялами, поняла – они в казарме. Обшарпанный стул, две табуретки, шаткий стол, заваленный книгами...

Хосе усадил ее на единственный стул, опустился перед ней на колени:

– Ла-пуш-ка моя, – от его хриплого шепота опять повеяло шумом океанского прибоя. – Ты... останешься?.. Или... ты можешь уйти...

Галя поднялась, хотя ноги совсем не слушались.

– Вот это – твоя кровать?

– Но... как ты догадалась? Они же одинаковые... – Голос его сорвался.

Почему так трудно дышать? – удивилась Галя и медленно, почти не понимая, что делает, расстегнула верхнюю пуговицу...

Грохот прибоя стал оглушительным, высокое белое солнце сияло все ослепительнее...

– Ла-пуш-ка! Почему ты плачешь?

В сумерках каждая черточка, каждая жилка, каждая линия его смуглого тела, казалось, светится изнутри теплым золотистым светом.

– Мне никогда не было так хорошо, – прошептала Галя. – Но... мне нужно возвращаться.

Хосе поцелуями осушил ее слезы.

– Га-ля. Га-ля. Мне... У меня тоже семья. Их нельзя бросить. И... я военный человек. Подводник. Мы уходим в рейс.

– А... когда вернешься?

– Нам ведь не говорят, – печально прошептал Хосе. – Но я вернусь, обязательно. Скажи мне свой телефон.

– А вдруг трубку поднимет Саша?

– Я не причиню тебе вреда. Никогда. Легче умереть.

Провожая, Хосе больно сжимал ее руку. «Еще шесть остановок осталось, – думала Галя, – еще пять... две... еще четыре дома... еще один...»

От последнего поцелуя в парадном у Гали, казалось, остановилось сердце.

– Тебе надо идти, ла-пуш-ка? – Его голос был горьким, как апельсиновая косточка, попавшая на зуб: пронзительно

свежая солнечная мякоть и вдруг...

Саша встретил ее с сонным Димкой на руках.

– Что так долго?

– С Наташкой в библиотеке засиделись, – не задумываясь, бросила Галя, радуясь, что они теперь на разных курсах и муж не знает никого с ее потока.

Она с облегчением закрылась в ванной. Желтая ленинградская вода пахла ржавчиной...

Невский ветер, когда Галя каждый день с замиранием сердца вглядывалась в клубящуюся возле института толпу, тоже, казалось, пах ржавчиной. День проходил за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем... Димку отдали в ясли, потом в садик, Саша начал где-то подрабатывать вечерами. Где – Галя не интересовалась. Ей было все равно...

– Ла-пуш-ка моя, – Хосе прижал ее к себе, увлек к стоящему рядом такси.

– Я так скучала по тебе, – выдохнула Галя, почти теряя сознание от его поцелуев. – А куда мы?

– Катаемся, – грустно сказал он. – Нам сегодня некуда ехать.

– Есть куда! – встрепенулась она и назвала адрес родительской квартиры. – Там до семи никого не будет, все на работе.

Поднимаясь по лестнице, они останавливались на каждой ступеньке не в силах оторваться друг от друга. Уже у двери Галя испугалась – где же ключи? Почти в отчаянии она вы-

тряхнула сумку прямо на бетонный пол... вот они! Не глядя, сгребла всю кучу обратно – скорее, скорее... Черт, она же в другую сторону открывается!

И снова этот оглушительный грохот прибоя, и ослепительное солнце в недостижимой высоте!

– Ла-пуш-ка моя! Единственная, нежная, любимая...

– Господи! Уже полседьмого! – Галя непослушными руками путалась в тряпичной кучке – в каком же порядке все это надевают? Хосе, как и положено военному, собрался за минуту. Мягко остановил:

– Ты надеваешь наизнанку, – и одел ее сам. Бережно, как ребенка. Галя едва не разрыдалась.

За стеной соседи крутили последний диск Пугачевой: «Ленинград, Ленинград, я еще не хочу умирать!»

Всю дорогу Хосе прижимал ее к себе и отводил глаза.

– Ты что-то недоговариваешь? – не выдержала Галя.

– Ла-пуш-ка, мы здесь только один день. Завтра опять в рейс. Надолго.

– Господи, нет! – Галя едва сдерживала рыдания.

– На полгода или даже больше, – выдохнул Хосе.

– Дача! У нас ведь есть дача! Я сейчас только домой забегу...

Он покачал головой:

– Нет. В двадцать один ноль-ноль я должен быть на месте.

– Я провожу! Хоть немного еще...

– Не надо, Га-ля. Ты будешь мучиться. Ты будешь одна.

И будет темно. Не надо.

И Галя послушно повернула домой, к мужу и сыну.

– Мама, на! – Димка протянул ей тапочки.

Галя прижала сына к себе:

– Мой маленький мужчина! Самый любимый!

– Бабушка опять чайник в раковине забыла, потоп на всю кухню, – сухо сообщил Саша. – И мыть ее, по-моему, пора.

Дора Аркадьевна сдавала буквально на глазах. Она забывала, какой сегодня день, не узнавала близких, с трудом двигалась. Иногда бабушка становилась совсем прежней, но это случалось все реже и реже. Вдобавок от слабости и склероза у нее началось недержание. Галя заглянула в комнату и почувствовала, что бабушку действительно «пора мыть». Да и на пол с клеенки натекло...

Она меняла постель, мыла Дору Аркадьевну, стирала загаженные простыни и плакала от жалости к бабушке и к себе:

– Господи, за что мне это?!

Уже перед сном дрожащими от усталости руками Галя открыла «Робинзона Крузо». Это лекарство она придумала для себя еще в детстве: какие бы неприятности ни случились – раскрой «Робинзона» на случайной странице, обязательно найдешь совет и поддержку. Сегодня книга сказала: «Я увидел, что не следует унывать и отчаиваться, так как в самых тяжелых горестях можно и должно найти утешение...»

«А ведь я могла бы никогда не встретить Хосе, – думала Галя, – прожить всю жизнь, не узнав об этом слепящем го-

рчем солнце... Значит, несмотря на все невзгоды, я счастливая! Спасибо, Господи!»

Через неделю Галя увидела возле детского сада «Скорую». Сердце оборвалось. Задышавшись, она подбежала к воротам. Санитар нес на руках вялого, пышущего жаром Димку.

– Ваш мальчик? Госпитализируем срочно: головная боль, рвота, подозрение на менингит. В Боткинскую приезжайте.

В больнице Галю не пустили дальше приемного покоя. Толстая сердитая тетка только отмахивалась:

– Езжайте домой, мамочка. Ну поступил, ну подозрение на менингит, будут анализы делать, там врачи, а от вас одно беспокойство. Езжайте, езжайте.

Часа два Галя просидела на ледяной кушетке, но в конце концов тетка все же заставила ее уйти.

Квартира встретила ее жутковатой тишиной.

– Бабуля! Димочку в больницу забрали...

Галя распахнула дверь в комнату Доры Аркадьевны и остолбенела: бабушка, странно скрючившись, лежала на полу. Галя бросилась к ней и отдернула руку – бабулина щека обожгла ее восковым холодом.

Вернувшийся через час Саша с ужасом увидел, что жена сидит на полу, обняв бабушку, и раскачивается, точно баюкает ее.

– Где Димка?

– В Боткинской, – сквозь рыдания пробормотала Галя. – Подозрение на менингит.

Саша нежно обнял ее, увел на кухню, заставил выпить валерьянки и начал звонить в «Скорую» и Зинаиде Семеновне.

Чтобы похоронить бабушку, как она хотела, рядом с мужем, пришлось согласиться на кремацию. Прямо с кладбища Саша с Галей поехали в Боткинскую: страшный диагноз не подтвердился, и Димку выписали долечивать острую простуду дома.

– Надо отремонтировать бабушкину комнату, – предложил Саша. – Сделаем там детскую.

– Как ты можешь об этом сейчас? – опять разрыдалась Галя.

– Жизнь продолжается, Галчонок, – попытался успокоить ее муж. – Ну ладно, потом.

«Потом» настало очень скоро. Кружилась голова, по утрам мучила тошнота. Галя вспомнила свидание в родительской квартире и все поняла. Аборт? Ни в коем случае! Галя не могла и не хотела забывать Хосе, казалось, он все время где-то рядом. Значит, пусть будет рядом по-настоящему. И она буднично сообщила:

– У нас будет еще ребенок.

Саша подхватил ее на руки, закружил по комнате:

– Любимая моя женушка!

– Пусти, голова кружится. Как мы справимся с двумя? На что жить будем? Опять у мамы просить?

– Я заработаю, не волнуйся! И справимся, конечно! С Димкой-то никаких хлопот...

Крупный серьезный Димка и вправду был очень тихим, что называется, беспроблемным ребенком. Играл самостоятельно, очень любил, чтобы ему читали, а если взрослым было некогда, усаживался с книжкой и аккуратно водил пальчиком по страницам – «читал».

Саша, едва выдавалась свободная минута, с удовольствием играл с сыном. Галя смотрела на их возню и отгоняла тревожные мысли: что будет, если ребенок родится смуглым? Правда, говорят, что любящий мужчина сомневаться не станет, и сходство найдет, и какого-нибудь предка с подходящими генами отыщет. Но мало ли что говорят. Вдруг он будет очень-очень смуглый? Как Хосе или даже темнее? Ведь кубинская кровь – смешанная, в ней оставили свой след и испанцы, и индейцы, и негры. Чьи гены окажутся сильнее?

Впрочем, мысли одолевали нечасто. Саша работал допоздна, прихватывая иногда и выходные, так что институт и домашние заботы занимали Галю целиком. Времени и сил не хватало не то что на мысли – на визиты в консультацию. Живот был огромный, как при двойне, но месяцах на шести акушерка со всей определенностью сказала, что сердцебиение одно. Галя сходила на прием еще раза два и больше в консультации не появлялась – далеко ехать, тяжело, сил нет. В конце концов, роды не первые, осложнений не обнаруживается, чего себя выматывать?

Уже поздней осенью, вздрагивая от порывов ледяного ветра с Финского залива, Галя осторожно, чтоб не поскольз-

нутья, шла из института – и вдруг кто-то обнял ее сзади.

– Ла-пуш-ка... – он печально посмотрел на ее огромный живот.

Галя, легко догадавшись о его сомнениях, усмехнулась про себя – мужчины, что с них взять!

– Не ревнуй...

– Я... нет... да... – смутился Хосе.

– Не ревнуй. Помнишь, тогда, у моих родителей? Вот... Это наш с тобой, – она выделила «с тобой», – ребенок.

– Ла-пуш-ка... – на его глазах показались слезы. – Ты очень смелая. Я даже не знаю, когда теперь вернусь. Может быть, даже...

– Не говори так! – Галя ладошкой прикрыла его губы. – Это очень страшное слово. Лучше говори «всегда». Помнишь, как ты меня утешал? Нашу любовь уже не отнять, мы можем быть за десять тысяч миль, но все равно мы вместе. Так?

– Так. Ты удивительная, Га-ля. Вот, – он протянул ей клочок бумаги, – здесь телефон моего друга, сообщи через него, кто родится. Если будет сын... назови его Валерием. Если сможешь. А если девочка – Валерией. Мне Валерий жизнь спас, сам чуть не погиб.

Хосе стянул с мизинца гладкое черное кольцо и вложил его в Галину ладошку:

– Возьми. На счастье. Это акабар, черный коралл – наш кубинский камень. Его почти нигде больше нет. Акабар при-

носит удачу и защищает от сглаза. У нас его дарят детям – как защитный амулет. И еще... – Хосе горько усмехнулся. – Говорят, он приносит покой в семью. Если уж нам не судьба быть вместе... Возьми.

Люди и манекены

Галя с трудом – мешал огромный живот – спустила ноги с кровати, тяжело встала – и схватилась за дверь. Низ живота опоясала резкая тянущая боль. Она с ужасом посмотрела на лужу под ногами:

– Воды отошли. Как быстро... Хорошо, что Димка у мамы. Ох, и Сашка уже на работу уехал. Господи, помоги!

Почти теряя сознание от боли, она вызвала «Скорую» и едва смогла дойти до входной двери, чтобы открыть замки.

В роддоме ее сразу отвезли в родильный зал.

– Господи! Тазовое предлежание, – причитал молоденький врач. – Ольга Юрьевна уже заступила? Господи, господи!

– Да не мельтеши ты! – отодвинула его пожилая акушерка. – Тазового предлежания не видел? Что ж вы, мамочка, в консультацию не ходили?

– Хо-ди-ла... дав-но... – едва выговорила Галя.

– Давно она ходила! И гимнастику надо было делать, чтоб повернулся! Да ладно, не бойся, не впервой чать! И ты тут под руку не причитай! – прикрикнула она на позеленевшего от страха врача. – Раскрытие хорошее, справимся и без Ольги Юрьевны.

Этот уверенный голос и твердые теплые руки прогнали весь Галин страх.

– М-м-может, к-к-кесарево? – проблеял молодой.

– Куды – кесарево?! Вон ягодички уже пошли! Давай, красавица, умница моя, старайся – мальчишку рожаешь! Такой мальчишка отличный, давай, милая, все хорошо будет, давай еще, а то пуповину пережмешь, ну давай же!

Последний Галин крик слился с громким требовательным «уа».

– Отличный мальчишка! – сообщила пожилая акушерка. – И ты молодец. Муж-то иностранец, что ли? Пацан темный совсем.

– Дедушка, – почему-то сказала Галя и провалилась в забытье.

– Дедушка, говоришь? Ну-ну, – покачала головой акушерка.

В этот раз Галя почувствовала страстную материнскую нежность с первого кормления. Только сердце сжималось от страха: малыш был почти коричневым. Что будет? День выписки надвигался неотвратимо.

И вот наконец настал.

– Вот ваш наследник, – медсестра, передавая Саше аккуратный «конверт», скептически вздернула бровь, но оставила свои замечания при себе.

– Что это? Перепутали? – И Саша, и родители недоуменно уставились на Галю. Она вздохнула, распрямила плечи:

– Не устраивайте здесь семейных сцен, дома поговорим.

Саша побледнел. Мама заплакала:

– Галя, что же ты натворила?

В машине Зинаида Семеновна вновь принялась ее допрашивать:

– Может, объяснишь все-таки?

– Нечего объяснять, – Галя старалась сохранить хоть минимум спокойствия, а то вдруг молоко пропадет. – Да, я любила другого человека, но мы никогда не сможем быть вместе. Это было как удар молнии.

– И этот удар тебе мозги отшиб? – уколола мама. – Предохраняться надо было!

– Ну что ты, Зиночка? – попытался успокоить жену Роман Зигмундович. – Все бывает, что уж теперь. Ты только посмотри, какой чудесный мальчик.

– Идиотка! Наша дочь вся в тебя – полная идиотка! – распалаясь Зинаида Семеновна. – Саша у тебя такой... – Она, похоже, уже забыла, как унижала зятя презрением.

– Бабник! – не выдержала Галя. – Я все терпела, все его гулянки, все измены, ему на меня было наплевать!

Саша, съезжившись в углу заднего сиденья, кусал губы и прятал глаза. А Галя не понимала:

– Я едва с собой не покончила! Если бы не бабушка... А потом я встретила Хосе и ни о чем не жалею, понятно вам?! Ах, Саша такой... Это теперь он стал «такой».

– Ну Галочка, – отец еще раз попытался утихомирить бурю. – Вы ведь очень рано поженились. Саша просто не догулял тогда еще.

– А теперь, значит, нагулялся? И я по этому поводу должна таять от счастья?!

– Может, тебе лучше у нас пожить? Или на даче?

– Ничего, папа, все наладится. Я справлюсь, – Галя тихонько прижала к губам черное кольцо. – Только Димку сейчас сами из садика заберите, мне бы домой сразу.

Дома, уложив малыша в кроватку, Галя залюбовалась: ты мой смуглый ангел! Черные «девичьи» ресницы, точно нарисованные бровки, четко очерченные пухлые губы.

Хлопнула входная дверь.

– Мамочка, я соскучился! – Димка со всего маху прижался к ней.

Саша обнял ее с другой стороны.

– Прости меня, – всхлипнула Галя.

– Ничего, каждый может ошибиться. Я так тебя люблю... – Саша наклонился над кроваткой. – Ну здравствуй, сынок! Смотри, Димка, какой у тебя братик.

– Его помыть надо, – серьезно заявил Дима.

Галя смутилась, а Саша уверенно сказал:

– Это он просто загорел.

– Как же он в животе загорел? – не унимался Димка.

– А ты вспомни, какое летом солнышко было – вот и загорел. Есть хочешь?

– Хочу!

Саша бережно отвел Галю на кухню, усадил, открыл холодильник:

– Зинаида Семеновна борщ сварила и котлеты оставила. А я торт купил. И сосиски. Будем греть борщ?

– Торт! – радостно завопил Димка.

Поздним вечером Галя вытащила из «секретной» шкатулочки записку с телефонным номером. Может, не стоит? Но она обещала. И что это изменит?

Номер долго не отвечал. Галя уже собралась положить трубку, когда услышала мужской голос:

– Вас слушают.

– Добрый вечер, – дрожащим шепотом произнесла Галя. – Меня зовут Галя, ваш телефон...

– Здравствуйте, Галя, – перебил мужчина. – Он говорил о вас.

– Он просил вам позвонить, сообщить... В общем, я родила сына.

– Поздравляю! – голос вдруг замолчал. – Галя! Он не вернется в Ленинград, его перевели...

– И вы не сможете ему сообщить? – перебила она.

– Я постараюсь. Будьте счастливы!

Ну вот и все! Галя стянула с пальца черное кольцо, спрятала его в шкатулочку. Медленно дошла до кухни, чиркнула спичкой, поднесла к бумажке с номером... Последняя ниточка, связывавшая ее с Хосе, заструилась тонким голубым дымком...

– Ты звонила... ему? – Саша появился на кухне совсем неслышно.

Галя покачала головой:

– Его другу. А он... он не вернется, не бойся.

– Галчонок! Не хочешь – не рассказывай. Я не виню тебя.

Я тоже виноват. Но... ты живешь, как в скорлупе, я не могу до тебя достучаться. А я ведь живой! Что нам делать дальше?

Галя с изумлением взглянула на мужа. Почти пять лет они рядом, а ей и в голову не приходило, что Саша – не бездушный красивый манекен, а такой же человек, как она сама. Со своими мыслями, желаниями, тревогами. Галя вдруг с ужасом подумала, что не может вспомнить, сколько ложек сахара Саша кладет в чай. Она ведь и не пыталась сделать хоть шаг навстречу мужу, только принимала знаки внимания и обижалась, когда их не было. Так стоит ли удивляться, что он ищет «понимания» на стороне? Да ведь уже и не ищет – и давно. Ох, как права была бабушка: любовь – это работа без выходных.

Галя вытерла слезы и осторожно взяла его за руку:

– Саша...

– Галчонок, давай попробуем начать все сначала?

Но сказать куда легче, чем сделать. Да, Галя постаралась отодвинуть воспоминания «в самый дальний угол», но разбудить в себе чувства к мужу так и не сумела. А Саша искренне любил жену. И страх ее потерять превращался в жгучую испепеляющую ревность. Зачем новые туфли, почему улыбаешься, о чем задумалась, куда собралась... Он требовал буквально поминутных отчетов, получасовая очередь в

овощном – где так задержалась?! – провоцировала очередную вспышку.

Поначалу Галя еще жалела мужа, пытаюсь смягчить его нападки то шуткой, то нежностью, но, казалось, любые попытки лишь усиливают его подозрения. И ей стало все равно. Надо просто терпеть. Да и что еще можно было сделать? Устроиться на работу? С «троечным» дипломом и двумя маленькими детьми? Да и Саша тогда вовсе с ума от своей ревности сойдет.

Больше всего Галя боялась за Валерика. Один вид смуглого малыша приводил мужа в бешенство, малейший повод заставлял взрываться. А поводов хватало. Димка рос тихим и серьезным, Валерик же был как ураган. Он ронял посуду и мебель, рисовал на стенах, пытался развинтить все, до чего мог дотянуться, однажды разобрал Сашины часы. Галя едва сумела выхватить у мужа ремень:

– Остановись! Он же маленький!

– Как же я его ненавижу! – Саша бессильно опустился на пол и зарыдал.

– Все, хватит, – твердо сказала Галя. Быстро собрала самое необходимое, одела детей. – Не можешь с собой справиться, живи один.

Саша долго сидел, вслушиваясь в оглушительную тишину опустевшей квартиры. С трудом поднялся, доковылял на неожиданно непослушных ногах до холодильника, достал припасенную «для компрессов» бутылку водки, налил пол-

ный стакан и выпил, как воду, не чувствуя обжигающего вкуса. Кажется, я впервые в жизни пью водку, промелькнуло в голове. Желудок скрутило жестокой судорогой, Саша едва успел добраться до ванной. Ему казалось, что организм извергает из себя вместе с водкой и всю накопившуюся ревность, все обиды, всю черную злобу...

Появление Гали родителей, мягко говоря, не обрадовало.

– Что, на мужниной шее надоело, решила на нашу переесть? – поджав губы, буркнула Зинаида Семеновна. Роман Зигмундович привычно отвлек свою суровую супругу и начал играть с внуками.

– Не обольщайся, – бросила ему Зинаида Семеновна, уходя в спальню. – Все равно они помирятся. Не завтра, так через неделю.

Саша приехал уже на следующий день, осунувшийся и побледневший. С охапкой белых роз на длинных стеблях – для Гали – и подарочными пакетами для всех остальных. Даже раздобыл каким-то чудом, невзирая на горбачевский «сухой закон», бутылку коньяка для тестя.

Мальчишки, мгновенно забывшие о вчерашней ссоре, тут же стали увлеченно осваивать новенькие игрушечные машинки. За взрослым столом висело тягостное молчание.

Саша осторожно взял Галю за руку...

– Пап, ты самый лучший! – Димка, размахивая дареной машинкой, полез к отцу на колени.

И Галя неожиданно для себя самой сказала:

– Поехали домой!

Полет валькирий

– Ну, Сашка, ну что ты все маешься? Подумаешь – жена!

У Володи, лучшего Сашиного друга еще с институтских времен, терзания приятеля вызывали лишь недоумение. Для него самого все выглядело очень просто: семья – это святое, жену и детей мужчина обязан достойно обеспечить, но при чем тут душа? «Для души» вокруг десятки и сотни привлекательных и страстных женщин. Не продажных, что вы, ни в коем случае. Просто одиноких. Два-три ласковых слова – и получай свою порцию любви и нежности.

Трагедий Володя боялся с детства, когда привык прятаться от родительских ссор. Его жена, сухая и «правильная до мозга костей» Римма, разумеется, никогда и никаких ссор не устраивала. Она родила Володе сына и дочь, она твердой рукой вела дом: чистота, отличная кухня, послушные дети... Но – любовь и нежность? Римма, кажется, и слов-то таких не знала.

Свою суровую супругу Володя слегка побаивался и все интрижки тщательно скрывал. Впрочем, Римме никогда бы не пришло в голову контролировать «личную жизнь» мужа. Семью обеспечивает? На семейных торжествах присутствует? Чего же еще?

Обеспечивал семью Володя более чем прилично. Еще молодым специалистом, едва после института, он ухитрился на-

ходить какие-то «левые» подработки. А уж когда началась перестройка, Володя мгновенно оценил новые возможности и, сколотив, как все, на перепродажах, первые деньги, тут же вложил их в похоронный бизнес. Приглашая Сашу в компании, он сказал: есть, болеть и умирать люди будут всегда, независимо от окружающей обстановки. Значит, надо пользоваться ситуацией.

И вот, понимаешь, лучший друг и партнер дурит, от дел отвлекается. Из-за жены!

– Можно подумать, на твоей Гале свет клином сошелся!

– Я жить без нее не могу! – Саша стукнул кулаком по столу. – И с ней не могу. Она как ледяная, понимаешь? Кукла замороженная!

– Ну ты даешь! Я без Римки тоже не могу. И замороженная она тоже. Хотя нет, Римка не замороженная. Она у меня вобла сушеная. И чего, переживать из-за этого? Так и должно быть, она жена.

– Но я-то не сушеный и не замороженный! Я-то живой!

– Так и я живой, кто мешает? Вот что. На выходные поедем к моим родителям. У них така-а-а-я соседка – пальчики оближешь! И все остальное, – Володя заговорщицки ухмыльнулся. – Сам не могу, тут родители рядом, вдруг до Римки дойдет, зачем мне такие проблемы. А тебе – в самый раз. Сразу все свои трагедии забудешь.

– Я с детьми в цирк обещал сходить, – вяло возразил Саша.

– Вот пусть твоя Галя и сходит. Пообещай, что в следующий раз – непременно. А сейчас тебя в чувство приводить пора. Все. Решили. На выходные едем в Гатчину.

Дверь им открыла статная улыбчивая дама.

– Знакомьтесь. Это моя ненаглядная мамочка Ляля Макаровна. А это Саша, – представил их Володя.

– Проходите, проходите, – приветливо зажурчала хозяйка. – Наконец-то! А то только рассказывает – Саша да Саша, а какой Саша...

Саша церемонно поцеловал ей руку.

– Вовчик! – воскликнула Ляля Макаровна. – Почему ты раньше нас не познакомил? Я думала, у вас в бизнесе сплошь бандиты, а у тебя, оказывается, такой воспитанный компаньон. Как мило!

Договорить Ляля Макаровна не успела. Белокурая красавица с сияющими глазами вылетела из-за ее спины и повисла на Володиной шее.

– Инга! – Голос хозяйки был суров, но глаза смеялись. – Что о тебе гость подумает?

– Сестрица моя, – высвобождаясь из объятий, сообщил Володя. – Все тайфуны в одном флаконе. Хороша?

«Валькирия!» – подумал Саша, вдруг вспомнив, как полгода назад Галя вытащила его в оперу.

– Эй, Сашок, ты не столбеней давай! Ей и двадцати нет, я же про соседку тебе... Инга! Учти: у этого обормота жена и двое детей.

Но кто смог бы остановить молнию?

Полная противоположность Гале. Открытая, дерзкая, темпераментная Инга всегда добивалась, чего хотела. Сейчас главное место в ее планах занимал медицинский институт. Здравое рассудив, что необходимого для поступления блага у нее нет, а просить денег на взятки у брата не хочется, девушка выбрала единственный беспроектный вариант – «красный» диплом медучилища. Поэтому ни о каком замужестве она пока и не думала. А вот закрутить головокружительный роман с таким симпатичным приятелем брата – почему бы и нет? Если, конечно, его не смущают гниль и нищета «медицинского» общежития.

Сашу не смущало ничто. Ему казалось, что даже небо над городом стало другим. Выше, что ли?

Чтобы не зависеть от соседей Инги по общежитию, он снял для нее небольшую квартиру, придумывал для Гали какие-то совещания, переговоры, командировки – выискивал любые возможности, чтобы провести лишний час или день со своим «нежданным счастьем». Независимая Инга начала потихоньку ловить себя на том, что, пожалуй, совместная жизнь – это не так уж и плохо...

Перелом

– Опять картошка с котлетами! – Саша раздраженно отшвырнул вилку. – Я могу дома нормально поужинать?

– Но, Саша, в магазинах ничего нет, даже за хлебом очереди, – робко объяснила Галя.

Начало девяностых опустошило прилавки, и она уже сбилась с ног, стараясь хоть как-то накормить семью. Хорошо еще, что с сыновьями проблем не было: Дима вообще был непривередлив, а Валерик после тренировок готов был сжевать хоть старый ботинок. Только Саша регулярно закатывал скандалы. Похоже, он просто искал поводы, чтобы сбежать из дома.

– А мне плевать, что там в магазинах! Деньги тебе мешками ношу, а еды приличной не дождешься! Придется в ресторане ужинать. Ночевать не приду! – Саша хлопнул дверью.

Это был вечер 18 августа 1991 года.

Саша не вернулся и на следующую ночь. А потом позвонила незнакомая женщина и сообщила, что он в клинике Военно-медицинской академии.

Галя обессиленно уронила трубку, но тут же вскочила:

– Дима, позвони бабушке. Папа в больнице, я поехала к нему. Двери никому не открывайте, у бабушки ключи есть, – она лихорадочно собиралась, роняя сумку, кошелек, плащ, не попадая в рукава...

– Мамочка, это разные туфли. Не нервничай, все будет в порядке. – Димка, который последние полгода вел себя совсем как взрослый, подал ей нужную обувь.

Выскочив едва не на середину проезжей части, Галя отчаянно замахала рукой. Визг тормозов слегка отрезвил ее.

– Дама, вы чего? Жить надоело?

– В Военно-медицинскую академию!

– А! – понимающе кивнул пожилой таксист. – Нам еще повезло, пострадавших нет почти. Ну там кто-то с милицией не поладил, кто-то с баррикады свалился.

Галя ничего не понимала. Далекая от всякой политики, она даже телевизор не включала неделями. Таксист рассказал ей про ГКЧП, про путч, про митинги и баррикады на улицах.

– Да не волнуйтесь. Тяжелых вроде не было. Вон в Москве, говорят, погибших куча, люди под танки ложились. Устроили разборку, делать им больше нечего! Тьфу! У вас кто? – он оценивающе оглядел Галю. – Муж?

Дежурный врач проводил ее к Саше, сочувственно поддерживая под локоть.

– Это... это он? – Галя с ужасом, не узнавая, вглядывалась в землисто-серое лицо и обведенные темными кругами глаза. – Его... избили?

– Да нет, непохоже. Видимо, в толпе помяли сильно, и упал неудачно. Черепно-мозговая травма – видите, «очки» вокруг глаз, несколько ребер сломано, ключица треснула.

Состояние тяжелое, но стабильное. Динамика положительная. Внутренние органы целы, позвоночник тоже. Правда, ушиб в поясничной части сильный, но перелома нет. Поправится.

Галя просидела в отделении до вечера и в метро едва не проспала свою остановку. Долго не попадала ключом в замочную скважину, потом не могла вспомнить, в какую сторону нужно поворачивать.

Наконец дверь распахнулась. Она обошла стоящего на пороге отца и, не раздеваясь, прямо в туфлях, побрела в спальню. Глухо, как издали, доносились голоса:

– Мам, он меня...

– Доченька, что...

– Не трогайте ее.

Разбудил ее телефонный звонок. Галя механически взглянула на часы – половина одиннадцатого. Неужели она проспала почти полсутки?

– Александра позовите! – потребовал властный мужской голос.

Галя едва нашла в себе силы ответить:

– Его нет, он в больнице.

– Черт! Ох, извините, – голос заметно смягчился. – Вы Галя? Я Володя, партнер его. Он в офисе не появляется и не звонит. Что с ним? В какой больнице?

Выслушав Галю, собеседник тут же распорядился:

– Одевайтесь, я сейчас за вами заеду, отвезу вас к нему. И

зачем Сашку в эти толпы митингующие понесло? Ну ничего, не расстраивайтесь так, мы его быстро на ноги поставим. Специалистов найдем, процедуры там всякие, лекарства – все, что можно за деньги купить. А купить, вы не поверите, можно почти все, – Гале показалось, что Сашин «партнер» даже засмеялся.

– Спасибо. Там хорошие специалисты.

– А, ну да, конечно, где же, как не там. Собирайтесь, сейчас буду.

По грубоватому голосу и решительности Галя представила себе Володю угрюмым бритым «быком» – в последние годы такие стали вдруг попадаться на каждом шагу. Но угадала она только рост. Партнер оказался улыбчивым светловолосым парнем с озорными глазами. Правда, твердый подбородок и резкая поперечная складка на лбу «подсказывали», что внешняя легкость обманчива и характера Володе не занимать. Машину он вел почти расслабленно, слегка поигрывая пальцами на руле. Но скорость держал такую, что Гале показалось: доехали они в одно мгновение...

На коленях возле Сашиной кровати, прикинув к его безвольно свисающей руке, стояла медсестра. Володя рванулся к ней:

– Инга?! Что ты тут...

Галя прислонилась к двери – ноги вдруг стали ватными, в затылке зашумело, а в глазах забегали суетливые искорки. Вздохнув поглубже раз, другой, третий, она почувствовала,

как дурнота отпускает, и медленно двинулась к выходу.

Володя догнал ее уже на крыльце:

– Галя! Я тоже ничего не знал.

О своих «подумаешь, жена» он благоразумно умолчал, здраво рассудив, что с соседкой так ничего и не вышло, значит, и говорить об этом нечего. Про стремительный, как удар молнии, роман Инги и Саши он действительно не знал – скрывались они очень тщательно.

– Кто это?

– Инга? Сестра моя, но... Галя! Я и подумать не мог! Галя!

Но она смотрела как будто сквозь него. Сквозь кружевную зелень придорожных деревьев, сквозь прохожих, сквозь дома вокруг... Володя сильно встряхнул ее за плечи – бесполезно. Как тряпичная кукла. Она безвольно дала увести себя от больничного подъезда, усадить в машину... и закашлялась – Володя приложил к ее губам красивую серебряную фляжку:

– Ничего, хороший коньяк еще никому не повредил. Пей! Сашка, конечно, гад...

– Я его ненавижу!

Володя ободряюще сжал ее плечо. Галя вздрогнула. С ней происходило что-то странное: по телу прошла горячая волна, кожа как будто натянулась и стала болезненно-чувствительной, мышцы напряглись, мягкое автомобильное сиденье вдруг стало жарким и неудобным... Ничего подобного она не чувствовала уже лет десять, с момента прощания с Хосе.

– Прошу! – Володя распахнул дверь маленького домика возле кладбищенских ворот. – Ты чего, испугалась? Офис у нас тут.

Галя ступила на рыжий пушистый ковер – нога утонула почти по щиколотку – и огляделась: кожаные диваны, камин, стеклянный столик с баром. Офис?

– Ну, собственно офис там, – он махнул рукой вправо. – А тут комната отдыха. Тебе ведь просто необходимо отдохнуть, разве нет? – нежным движением Володя отвел прядь волос с ее щеки...

Домой Галя вернулась, когда все уже спали. После душа она долго не могла заснуть. Но вместо привычно мучительного стремления хоть ненадолго забыться ее переполняла удивительная легкость. Казалось, каждая клеточка ликует: живая! живая! живая!!!

Готовя завтрак, Галя буквально летала по кухне и даже напевала что-то себе под нос. Мама смотрела на нее почти с ужасом:

– Ты в своем уме? Муж в больнице, а...

– Все нормально, мама.

– Я сварила бульон, разогреешь и отвезешь ему!

– Спасибо за помощь. И приезжать вечером не нужно, я теперь сама справлюсь.

– Галя, у вас что-то еще случилось? – забеспокоился проныцательный Роман Зигмундович.

– Да, папочка. Мы разводимся. У Саши другая женщина, –

равнодушно сообщила Галя.

– И ты от этого так сияешь? Это он тебе сказал? – засуетилась Зинаида Семеновна.

– Нет, мама. Я сама увидела. Все нормально, не беспокойся.

– Зиночка! Опоздаем! Дети, быстро!

Выпроводив семейство, Галя взялась за генеральную уборку: отдраила ванну, раковины и плиту, перетерла хрусталь, вымыла окна и зеркала. Ей казалось, все делается само собой. Не прошло и трех часов, и квартира точно вздохнула облегченно и свежо. Едва Галя успела принять душ и выпить чашку чая в сияющей кухне, как раздался звонок в дверь.

Лица Володи было не видно из-за огромной охапки белых, розовых и алых георгин.

– Они такие же эффектные, как ты. Устоять невозможно, – его голос стал хриплым и очень тихим...

Через два часа Галя огорченно сказала:

– Ну вот, пора в больницу, а то мальчишки из школы вернутся, я не успею. А я хочу ему сейчас сказать...

– Галя! – растерялся Володя.

– Не бойся, про тебя я говорить не буду. Скажу, что подаю на развод. Хватит жить, как мертвая кукла.

– Галя! Я... ты понимаешь, я сейчас... У меня ведь тоже дети. И Римма... Она сложный человек, но она-то ни в чем не виновата. Может быть, постепенно...

– Я не тороплю тебя. Все это тяжело и больно. Но, знаешь,

рожать тоже больно. А я не хочу больше жить, утопая в бесконечной лжи. Ничего, я справлюсь.

Оделась она с особой тщательностью – точно не в больницу, а в театр собралась. Узкая черная юбка подчеркивала талию и плавный изгиб бедер, высокая грудь под тонкой водолазкой выглядела еще пышнее, волосы рассыпались по плечам мягкими волнами, тронутые помадой губы казались ярче и соблазнительнее, глаза сияли.

– Ты сегодня очень красивая!

– Это благодаря тебе, – улыбнулась Галя.

В клинику, опасаясь встречи с Ингой, Володя заходить не стал. Галя махнула ему рукой, взглянула на свое отражение в стеклянной двери и, собрав всю свою решимость, двинулась навстречу судьбе.

Страшные темные «очки» вокруг Сашиных глаз заметно побледнели, губы слегка порозовели, с лица почти сошла землистая серость. «Побрить бы его надо», – некстати подумалось Гале.

– Вот сок ананасовый, твой любимый. Пять магазинов объехала. Можно через соломинку попить. Хочешь?

– Уходи! – раздраженно буркнул Саша.

Вчера вечером он не позволил Инге подать ему судно, а когда она попыталась настаивать – я же без пяти минут врач, меня можно не стесняться! – разозлился от собственной беспомощности и прогнал ее. А тут еще Галя со своей заботой, черт бы ее побрал!

– Сказал, уходи, – еще злее повторил он, – значит, вон отсюда, ясно? И сок свой заberi. Мне ничего не нужно.

– Да, Саша, ясно, – спокойно ответила Галя. – Я уйду. И пойду заявление подавать. На развод.

– Ох, фу-ты, ну-ты! Какие мы гордые да обидчивые! Или уже решила, что я инвалидом останусь? Где твоя гордость была, когда ты за кубинцем своим, как собачонка, бегала? Гадина! Убирайся!

Однажды Саша в своем стремлении «начать все сначала» сумел вынудить ее на откровенность и теперь старался ударить побольнее.

– Нет, Саша, я не обиделась, – Галя с удивлением поняла, что говорит чистую правду. – И на ноги тебя обещают быстро поставить. Да и ухаживать за тобой есть кому. Правда ведь? Инга ее зовут, кажется? Тебе ничего не нужно, и я тебе не нужна.

Гордо выпрямившись, Галя направилась к дверям.

– До свидания всем. Выздоровливайте!

– Дурак ты, парень, – сказал Сашин сосед справа. – Такую жену на руках надо носить: мало того что красавица, так еще и умная, и с характером. Инга твоя тоже, конечно, штучная девочка... А, – он махнул рукой, – разбирайся сам со своими бабами.

Лечащий врач пожал плечами:

– Ушиб в поясничной области, конечно, сильный – то ли он сам на что-то упал, то ли на него что-то упало, он не пом-

нит, – но позвоночник цел, так что подвижность скоро восстановится. Да вы не волнуйтесь так, подлечим, поставим вашего мужа на ноги.

Но он ошибался.

Чувство долга

– Саша, ты спишь?

Шторы были задернуты неплотно, но кинжально-тонкий луч, наполненный танцующими пылинками, ничего не освещал, лишь углубляя заливший комнату полумрак. Все, как обычно. Сиделка уходила в пять, и Саша после вечернего массажа нередко засыпал. Прямо в инвалидном кресле – Володя раздобыл самую навороченную модель, оборудованную по последнему слову медицинской техники, так что спать было удобно. Он вообще все эти почти три года как мог старался облегчить жизнь сестры и друга: удобная квартира на первом этаже, специалисты, процедуры, лекарства – действительно все, что можно купить за деньги.

Но оказалось, что купить можно не все. Саша принимал все заботы как должное и даже не пытался хоть что-нибудь сделать для собственного выздоровления. К перекладине, которую ему поставили для лечебной гимнастики, подъезжал только после долгих уговоров. Перед сиделками изображал несчастного страдальца, а Ингу шпынял по любому поводу. Галю, когда она привозила мальчиков повидаться с отцом, мог просто выгнать: мол, развелась, вот и иди отсюда, чужие люди, и вообще – это ты во всем виновата.

Врачи искренне не могли ничего понять, не находя никаких причин для паралича. Еще в клинике они сказали, что

с позвоночником все в порядке и подвижность должна восстановиться вот-вот. Но «вот-вот» растягивалось на недели, превращалось в месяцы, а теперь уже в годы. Советы обратиться к психотерапевтам Саша воспринимал как личное оскорбление.

Володя бился за здоровье друга изо всех сил, но Инга понимала: без желания пациента вся мировая медицина бессильна.

Недаром она выбрала медицинский и так упорно шла к своей цели. Врач из нее получился хороший. Завотделением говорил, что такие диагносты рождаются раз в десять лет. И больные, несмотря на ее молодость, стремились попасть именно к ней. Да, на работе все было – лучше не бывает. А вот дома...

В последнее время она все чаще ловила себя на мысли, что домой идти не хочется, и даже радовалась, заставая Сашу спящим.

Но сегодня привычная тишина вдруг испугала Ингу. Она рывком отдернула шторы. Саша безвольно обвис в кресле, из уголка рта тянулась струйка слюны. На полу валялась пустая бутылка.

Инга потрясенно опустилась на пол. Откуда это? Саша не пьет. Тем более он же на кресле. Да, первый этаж, и на лестнице пандус, но не мог же он вот так взять и поехать в ближайший магазин. Невероятно. Не сиделка же принесла! Это уж совсем невероятно.

Она заставила себя встать и взяться за телефон.

Володя приехал только через полтора часа:

– Извини, пробки, – он поцеловал Ингу, вошел в комнату и присвистнул. – И давно у вас такое?

– Володь, я не знаю, – Инга всхлипнула. – Да, я врач, я должна была заметить. Но его же спиртом растирают, запах практически не выветривается. А Сашка так на меня рычит все время, что и подходить лишний раз не хочется. Глаза мутные? Так они давно уже не горят. Но я не понимаю – спиртного-то у нас в доме особо не водится, откуда это? – она брезгливо ткнула ногой бутылку.

– Ну, сестренка, тоже мне, бином Ньютона! Вы же не на Луне живете. Погоди немножко.

Вернувшись минут через двадцать, Володя доложил:

– Сосед ваш, Василь Петрович, сознался: ну да, бывает. Говорит, Сашка в стенку стукнет, я сбегая – а чего, жалко же мужика, без ног-то! Вот тебе и откуда. Ну с соседом я воспитательную работу провел, больше не повторится. Но, Инга, у вас первый этаж. Сашка подьедет к окну, любого из мужиков во дворе попросит, ему принесут. Я же всем по макушке не настучу. И ставни железные на окна не поставлю, так ведь?

Инга горестно кивнула.

Они вдвоем переложили Сашу на кровать.

– Галя-то давно была? – спросил Володя.

– Недели две назад. Он и ей сцены закатывает. Почти три года прошло, а он все развод простить не может. Как собака

на сене, честное слово! И Димка к нему даже не подходит – шестнадцать лет, взрослый совсем, все уже понимает, конечно, ему за мать обидно. Про его идею с учебой в Израиле и говорить нечего. Не понимаю, чего Саша так упирается. Не дам разрешения, и все. Знаешь, даже странно. Дима – родная кровь, а Сашка с ним как на войне. А вот Валерик...

– Так, может, именно потому? – предположил Володя. – Сашка и так себя ущербным чувствует. А перед Димкой еще и виноватым: ну вроде как не отец, а не пойми что. А тут сынок еще и в Израиль собрался. Я не говорю, что это плохо, пусть парень учится. Но Сашке обидно, что от него только разрешение на выезд нужно. Вот и изображает: я отец, и мое слово главное. А Валерик раз чужой, значит, перед ним никаких обязательств.

– Может, и так, – согласилась Инга. – Потому что... ну ты же знаешь, он ведь к спиртному никогда не прикасался, бокал-другой вина хорошего на праздник. А вот после Диминого дня рождения, когда он про учебу эту израильскую сказал и поругались они, – да, после этого в Саше что-то совсем надломилось. Только с Валериком нормально и разговаривает. Как они про спорт заведут, я половины слов не понимаю. И в шахматы с ним играет. Кажется, это единственное, что Сашка еще любит. А вы с Галей... по-прежнему?

– А что тут изменишь? Прикипел я к ней. Любовь – не любовь, а держит что-то.

– Надежный ты наш, – Инга обняла брата. – Взвалил на

себя три семьи и тащишь.

– Что поделать, судьба такая, – улыбнулся Володя. – Римма... ну ты сама понимаешь, она меня не отпустит никогда.

– Да, достается тебе.

– Нормально, сестренка. Должен же тут быть хоть один мужик.

Проводив брата, Инга долго стояла под душем. Но сегодня даже струящаяся вода не приносила обычного успокоения.

– Хоть бы ты тогда умер! – она со всего маху ударила в стену. Боль в разбитых костяшках отрезвила, а собственные слова ужаснули Ингу. Она посильнее открыла горячую воду, потом почти ледяную и почувствовала, что как будто просыпается. Сашка стал такой, потому что все прыгают только вокруг него. Хватит. И чего она боялась? Ведь так хотелось стать матерью! Но Инга прятала это желание в самый дальний уголок. Как же, рискнуть к мужу-инвалиду еще и ребенка добавить! «Трусиха, трусиха», – ругала она себя. Вон у Володьки на три семьи сил хватает – и ничего, не жалуется. И она справится. Да и у Сашки, глядишь, что-то в душе повернется. Небось супружеские-то обязанности он с удовольствием исполняет, хотя и не слишком часто.

И Инга решительно выбросила в мусорное ведро упаковку противозачаточных таблеток.

Утром она проснулась в начале седьмого, хотя прием у нее был вечерний. Саша маялся от головной боли. Инга собрала для него кое-какие медикаменты, чтобы прочистить орга-

низм, заставила выпить побольше воды и чуть не силой влила в него горячий бульон.

– Ну как? Полегчало?

– Ты специально изображаешь идеальную сиделку, чтобы мне стыдно стало?

– Саш! По-моему, это ты все время что-то изображаешь. Не надоело? Хватит уже. Взрослый мужик, а ведешь себя, как избалованный ребенок. Володя зашивается с работой – между прочим, мог бы часть и на себя взять. Хотя бы ведение документации. Все меньше времени на идиотские мысли оставаться будет. Да и в офис тебя вполне можно было бы возить.

– На кладбище? – съязвил Саша. – Чтобы привыкал?

– Брось, надоело. Да тебе и самому уже, по-моему, надоело, только не знаешь, как из этой роли выбраться. Вот давай вместе. Что ты, в самом деле, сам себя хоронишь? Ноги у него не двигаются, надо же! Голова у тебя не двигается, вот что. Пора ее включить, пока мозги окончательно не отказали. И вот еще что. Еще немного – и мне поздно будет рожать. Так что хватит с этим тянуть, договорились? Я хочу, чтобы у нас наконец был ребенок.

– А я не хочу, чтобы моему ребенку кто-то сказал, что его отец – инвалид.

– Подумайте, какой ужас! Знаешь, гораздо хуже, если твоему ребенку кто-нибудь скажет, что у него отец – идиот и слабак. Ясно? Инвалид – не тот, кто на коляске, а тот, кто

сдался.

– Ну ты еще Маресьева вспомни и Николая Островского!

Но Инга почувствовала, что огрызается Саша только по привычке. Улучив минутку, она тайком позвонила Валерике:

– Валерик! Я на работу после обеда уйду. Приезжай к нему сегодня. Может быть, что-то получится...

Вниз по лестнице

О том, что он с другом Герой хочет ехать учиться в Израиль, Дима торжественно сообщил в день своего шестнадцатилетия. На праздничный обед собралась вся семья: мама, бабушка Зинаида Семеновна, дедушка Роман Зигмундович, отец с Ингой, Валерик и, конечно, неизменный Гера.

– Сынок, а как же мы? – только и смогла вымолвить ошарашенная Галя.

Дима обнял ее, и она вдруг заметила, какой он стал высокий.

– Mamочка, я очень тебя люблю, но пойми – это моя дорога.

– Твоя, говоришь? – неожиданно вмешался Саша. – Тебе пока на любую дорогу разрешение родителей нужно, не забудь.

– Родителей! – воскликнул Дима. – А ты кто? Только называешься отцом...

– Как ты смеешь, щенок?! Ты тоже пока еще никто, ясно?

– Ну и ладно! Все равно я уеду! Вот будет мне восемнадцать, и никакое разрешение не понадобится! – Дима вылетел из комнаты, хлопнув дверью.

– Ишь ты, какой самостоятельный стал! – зло бросил Саша.

– Саша, что ты? – Роман Зигмундович, как всегда, попы-

тался сгладить конфликт. – Мальчик учиться хочет, не какие-нибудь глупости.

Но это, казалось, только подлило масла в огонь:

– Вы одну доченьку уже воспитали? Мне на радость, прочим на утешение, тьфу! Вот и не встревайте. Со своими детьми я как-нибудь сам разберусь. Инга, поехали, нечего тут делать.

Валерик помог вывезти Сашу на лестничную клетку.

Лифт оказался неисправным – застрял между этажами. Спускаться в инвалидном кресле по лестнице с очень высокими, неровными, перекошенными от старости ступенями было слишком опасно. Димка обиделся и ушел, Роману Зигмундовичу физические нагрузки запретили строго-настро-го.

– Я поймаю такси, попрошу водителя помочь, – предложила Инга.

Но Валерик уже звонил в соседскую дверь.

– О, Сашок! – дядя Гена был уже «хорош». – Опять наша железяка кирдык? – он махнул в сторону лифта. – Конечно, помогу, без проблем! А то заезжай, Сашок, ко мне, придут, починят, а мы с тобой посидим, как мужики, – он помахал недопитой бутылкой и, видимо, заметил ужас в глазах Инги. – Да ладно, ладно, красавица! Не журись, спустимся в лучшем виде! Лестница хоть кривая, да широкая. Я спереди, потому как мужик, а ты с пацаном сзади и сбоку придержи-вай, чтоб не завалиться.

Он набросил куртку – в сочетании с полосатыми пижамными штанами Гена выглядел очень смешно, – сунул во внутренний карман бутылку, обошел инвалидное кресло и неожиданно легко приподнял его спереди.

– Ну что? «Он сказал – поехали»?

На каждой площадке дядя Гена останавливался, чтобы приложиться к бутылке, и всю дорогу непрерывно балагурил:

– Вот чего ты, Сашок, такой смурной? Подумаешь, на коляске! Да на твоём кресле я сам бы всю жизнь катался – «Мерседес», а не кресло! Без ног, оно, конечно, не очень. Но главное-то цело? – он сделал очередной глоток и подмигнул. – Вон какая краля у тебя, не хуже Гальки бывшей. Даже лучше. А что на коляске, так подумаешь – горе какое! Руки на месте, голова на месте. У тебя ж, Сашок, голова! Я помню! Живи да радуйся! Вон как я! – он снова глотнул. – Ты думаешь, я совсем уже плохой, даже дверь свою закрыть забыл, да? А я не забыл, я спе-ци-аль-но не закрыл. Чего у меня брать-то? Струмент только – да ведь к струменту еще руки надобны. Как у меня, к примеру сказать. Все уважают: Геннадий Степаныч, зайди, Геннадий Степаныч, сделай! О как! Ну пью! А чего ж не выпить-то? Легко на сердце от водки хорошей! – вдруг запел он и серьезно добавил: – А плохая-то она и не бывает. Все. Приехали, красавица! Бывай, Сашок! Заезжай когда-никогда, посидим, побалакаем...

Гольфстрим

Галя ломала голову, как добиться, чтобы Саша подписал для Димы разрешение на выезд, и вспоминала...

– Мама, я хочу бармицву!

– Что, Димочка?

– Ну, мамочка, мне ведь уже тринадцать, значит, я взрослый. Вот в синагоге...

– В синагоге? Почему вдруг в синагоге?

– Я же тебе рассказывал. Раньше еще, помнишь? Про Геру, одноклассника своего, они в субботу свечи зажигают, а мама в парике ходит, – голос мальчика звучал мечтательно-нежно.

– Ну да, некоторые женщины носят парик. Но при чем тут свечи в субботу? – недоумевала Галя. Свечи в субботу – это было что-то давнее, бабушкино и дедушкино. Но парик? Кажется, Димка действительно рассказывал про какого-то Геру, вот только Галя, замкнувшаяся в своих переживаниях, не очень-то прислушивалась. Она радовалась, что Саша вдруг перестал ее изводить своей безумной ревностью, и старалась не вдумываться – почему. Зачем? Не буди лихо, пока спит тихо. К тому же у Валерика вдруг обнаружился спортивный талант, и поездки в секцию тоже отнимали немало времени и сил. А серьезный самостоятельный Димка никогда не создавал проблем и почти ни о чем не рассказывал.

– Ты не понимаешь? Они религиозные. И я тоже так хочу!

Гале показалось, что всегда невозмутимый Дима сейчас заплачет. А еще говорит, что взрослый, подумалось ей некстати. Ну да, вымахал уже выше матери, а ведь ребенок совсем. Маленький обиженный ребенок. Бармицву ему вынь да положь! Галя вспомнила давние дедушкины рассказы про избранный народ, про верность – «если я забуду тебя, Иерусалим»...

– Димочка, если ты так хочешь, то конечно. Мне нужно что-то сделать?

– Ну... ты пойдешь с нами в синагогу. Нас с Герой его дедушка поведет, а ты... это ведь праздник, надо, чтобы ты пришла...

– Хорошо, сынок. Я попрошу папу, ой, прости, твоего дедушку, забрать Валерика после секции, а сама пойду с тобой, да? Или, может быть, лучше наоборот? Я заберу Валерика, а дедушка пойдет с тобой в синагогу?

– Мама! При чем тут дедушка?! Я тебя хочу к Богу приблизить!

– Меня? К Богу? – опешила Галя.

Да, Димка всегда был «другой». Не Валерик с его «чужой» кровью, а именно Димка. Когда Дора Аркадьевна, большая поклонница классической музыки, доставала бережно хранимые пластинки Моцарта, Баха, Чайковского, у крошечного еще Димки начинали сиять глаза. Он устраивался в уголке возле старого, совмещенного с радиолой проигрывателя – и

замирал. Галя звала его смотреть новый выпуск «Ну, погоди!», а он отмахивался и слушал, слушал, слушал.

Дима рано почувствовал свою «отдельность»: я такой маленький, а мир такой большой. Это было больно и страшно. Музыка успокаивала бушевавшую в душе бурю, приносила покой и тепло. Но музыка была «бабушкина», а бабушка умерла. И это тоже было страшно.

С веселым очкастым Герой Димка подружился сразу. Тот был самым маленьким в классе, и мальчишки частенько его задевали. Но Гера никогда не унывал. Подумаешь, синяк! Подумаешь, нос разбили! Заживет. Димка очень не любил драк, но на защиту друга кидался не раздумывая. Ого-го, вместе мы – сила!

Впервые попав к Гере домой, он очень удивился:

– Почему твои бабушка с дедушкой по-иностранному говорят?

– Это же идиш! Разве ты не понимаешь? Ты ведь тоже еврей!

– Еврей? Откуда ты знаешь?

– Ты обрезанный, я видел.

– Ну... да. Мама говорит, так бабушка хотела. Ее бабушка, мне она прабабушка, – как всегда серьезно объяснил Дима.

– Разве она тебя не учит идишу?

– Она умерла. Давно уже. Я маленький еще был. И прадедушка тоже.

Семья друга притягивала Диму, как магнит. Загадочная

речь, молитвы, субботние свечи, непривычная еда. В десять лет Герин дедушка Моисей Захарович впервые привел мальчиков в синагогу:

– Видите, какая большая! Ее построили по указу Александра II. Здесь даже в блокаду молитвенные собрания проходили. В подвале. И любавичский ребе в Ленинграде жил, его чудо спасло от расстрела. А у ребе Лубанова, он тоже был из любавичских хасидов, я сам учился.

Но сильнее всего поразила мальчика «притча» о Гольфстриме:

– Есть на земном шаре река, – дедушкин голос звучал глубоко и торжественно, – которая никогда не пересыхает и не меняет своего течения. Она берет свое начало в Мексиканском заливе и доходит до самых арктических морей. Такого громадного и величественного потока нет больше во всем мире. Он мощнее Амазонки, Нила и Миссисипи вместе взятых. Это удивительная река, река в океане – Гольфстрим. У берегов Флориды его голубые воды такие яркие, что граница с окружающим океаном видна издали. Как будто Гольфстрим не желает смешиваться с другими водами. Такая же река есть и в океане человечества – это еврейский народ...

Димка слушал рассказы Моисея Захаровича, как ту самую «бабушкину» музыку. На душе становилось тепло и спокойно.

Галя ничего этого не знала. Стоя в день бармицвы на втором, «женском» этаже синагоги, она дотрагивалась до непри-

вычного платочка на голове и любовалась сверху на торжественную церемонию. Лицо Димки казалось необыкновенно прекрасным: одухотворенным и почти светящимся. Гале думалось, что она сама отдала от себя старшего сына, что надо уделять ему больше внимания, попытаться прикоснуться к его мыслям и чувствам, к этому прекрасному свету... Но ведь с Валериком столько хлопот, а Дима – она вздохнула – уже действительно совсем взрослый.

А потом наступил август, Сашина травма, развод. У Романа Зигмундовича сдало сердце – его увезли с работы прямо на операционный стол. Мама на нервной почве перестала есть – не могла проглотить даже крошечного кусочка, пришлось ложиться в клинику неврозов. Галя разрывалась между больницами и домом, едва урывая мгновения для свиданий с Володей. Эти свидания были единственным, что придавало ей силы.

Чтобы наладить душевный контакт с Димой, ни времени, ни сил уже не оставалось. Да он и сам не проявлял желания впустить ее в свой мир.

И вот теперь он решил, что его путь лежит в Израиль. Сам решил, не предупреждая и не советуясь. Закончил девятый класс – как всегда, на «отлично» – и после этого, кажется, замкнулся еще больше. На все попытки поговорить отвечал: «Мне нужно побыть одному». Молча уходил куда-то, молча возвращался, надолго скрывался в своей комнате. Галя, напряженно вслушиваясь, иногда разбирала почти беззвучное

бормотание и догадывалась – Дима страстно молится.

Галя разрывалась между двумя противоположными чувствами. Ей хотелось помочь сыну – хотя Сашино упрямство казалось неодолимой каменной стеной, – и в то же время сердце холодело от страха: как отпустить? Одного, в чужую страну, где ни единого – Гера не в счет, он и сам еще мальчишка – близкого человека.

Брату моему

– Ма, Димка дома?

Валерик всегда влетал в квартиру, как вихрь. Казалось, все оживает, начинает двигаться, шуметь, дышать. Обувь полетела в одну сторону, сумка в другую, куртка приземлилась на подзеркальник трюмо. Галя механически повесила ее в шкаф, поставила на место кроссовки, подняла сумку. Валерик уже ломился в дверь к брату:

– Димка! Да Димка же! Выходи! Выходи, подлый трус! – цитата из мультфильма прозвучала до неприличия неуместно. – Ну все! Смотри! Сейчас обижусь и сам уйду!

– Привет, Валер! Что-то случилось? – Дима говорил очень спокойно. Гале в последние месяцы казалось, что он как будто строил из своего спокойствия каменную стену: все выше, все прочнее, все непроницаемое. Точно боялся: рухнет стена, и сам он рассыплется на кусочки.

– Пляши! – Валерик, прыгая вокруг брата, выхватил у матери свою сумку.

Дима молчал.

– Ну ладно уж, – чуткий Валерик тут же перестал кривляться и вытащил из сумки голубую канцелярскую папку. – На, держи.

– Валерик! – прошептала Галя, мгновенно догадавшись, какое «сокровище» скрыто под скучными бледными короч-

ками. – Ты у отца был? И?.. Как тебе удалось?

– Пф! – фыркнул он. – Подумаешь! Долго ли умеючи! В шахматы выиграл! Что, не веришь?

Двенадцатилетний Валерик иногда казался Гале очень взрослым и почему-то похожим на Володю. Вспыльчивый, решительный, отважный – но при этом смешливо-легкий, как будто не желающий ничего принимать близко к сердцу. Однако это впечатление, конечно, было обманчивым. Просто спорт – хороший воспитатель. Многолетние тренировки приучили Валерика к тому, что проблемы – личное дело каждого. Тяжело тебе – отойди в сторонку, разберись сам с собой, а посторонних не грузи. Вряд ли он сумел бы выразить все это словами, но чувствовал именно так. В сущности, он был таким же замкнутым, как Дима, но за внешней эмоциональной легкостью этого никто бы не замечал.

Дима осторожно заглянул в голубую папку, снова закрыл ее и прижал к груди как величайшую драгоценность.

– Валер, я... ты... я...

– Ты да я, да мы с тобой! – дурашливо запел Валерик. – Ты уж нас там не забудь, посреди пустыни дикой! Напиши нам как-нибудь... ой, дальше не получается!

Валерик легко встал в стойку на руках и смешно заболтал задранными ногами.

– Дима, – робко сказала Галя. – Только все-таки как же ты там будешь? Совсем один?

– Мам, почему один? Я объяснял: таких, как я, будет мно-

го, мы будем учиться. Вспомни, что дедушка говорил – я же не за пустяками еду.

Но Галин страх разрастался все сильнее. Чтобы не отравлять сыну радость, она старалась себя не выдавать, но внутри все дрожало.

Успокоил ее отец:

– Галочка, мы тебе раньше не хотели говорить, но раз уж так сложилось... Мы ведь тоже собираемся.

– Куда собираетесь?

– В Израиль. Я ведь так и продолжаю болеть, а там хорошие кардиологи. Мы с мамой давно уже об этом думаем. А сейчас, если Дима уедет, чего тянуть? Он будет учиться, а мы – где-нибудь поблизости, он сможет приезжать на выходные, у него тоже будет семья.

– А я? А Валера? У него здесь клуб, тренер прочит ему большое будущее.

– Вот пусть тренируется. А там уж – как сложится. Не расстраивайся, Галочка, все наладится.

Голубое и белое

В день отлета Дима вскочил ни свет ни заря. Ему казалось, что серое питерское утро сверкает самыми яркими красками. Только что же это стрелки совсем не двигаются?! Может, часы сломались?

Галя в мыслях о предстоящей разлуке с сыном не сомкнула глаз всю ночь. Ей хотелось, чтобы день тянулся долго-долго, чтобы можно было забыть о неотвратимо надвигающемся прощании. И в то же время хотелось подогнать часы: пусть уже наступит вечер, и можно будет тихонько поплакать.

Она долго стояла под душем, собирая всю свою выдержку и повторяя: надо улыбаться, для Димки этот день – праздник, ничто не должно испортить ему настроения. Чтобы занять себя и отвлечься от грустных мыслей, Галя затеяла блинчики с разными начинками. Во-первых, оба сына их очень любят. А главное – покрасневшие заплаканные глаза будут выглядеть вполне обыкновенно: разве бывает мясной и рыбный фарш без лука?

Дима, увидев блинчики, пришел в полный восторг:
– Валерик! Вставай, соня, а то я все съем!

Галя смотрела, как братья уплетают блинчики, и чувствовала, как сжимается сердце: последний совместный завтрак. Едва удерживаясь, чтобы не расплакаться, она умылась холодной водой, тщательно накрутилась, причесалась, выбрала

нарядное бело-голубое платье.

– Мам, ты прямо как израильский флаг, – обрадовался Димка.

– Дедушка с бабушкой приехали, – сообщил подбежавший Валерик. – Говорят, пора выходить уже. Димка, ты мне камушек с Мертвого моря пришлешь?

– Пришлю, – улыбнулся Дима.

– Только не забудь! А я стану чемпионом и в гости к тебе приеду! И ты мне все там покажешь, – Валерик чуть не подпрыгивал от нетерпения.

У подъезда они увидели Ингу и Сашу в кресле.

– Вот. Приехал попрощаться, – тихо сказал он. – Подниматься уж не стали, чего эту железяку, – Саша похлопал по креслу, – туда-сюда таскать.

– Спасибо тебе, – сказала Галя, присев перед ним на корточки. – Для Димы это очень важно – и отъезд, и то, что ты его провожаешь.

По дороге в Пулково Дима наклонился к Гале и сказал шепотом:

– Дядя Володя почему-то не приехал. А он мне обещал.

– Может быть, по работе занят? Или решил прямо в аэропорту попрощаться.

Но Володя не приехал и в аэропорт. Димка только грустно вздохнул и пожал плечами.

Предотлетную суету Галя запомнила смутно: режущий голос диктора, объявлявшего рейсы, носильщики с грохочу-

щими тележками, суровые таможенники, группа подростков рядом с Димой, очень разных, но в то же время чем-то – может быть, светом в глазах – неуловимо похожих. Плачущие вокруг родственники казались лишними, почти посторонними.

Проводив глазами самолет, уносящий сына, Галя торопливо попрощалась с родителями:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.